

ОБЛИК УЧЕНОГО (ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ)

Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов: Общество потребления — «за» и «против»

В марте 2009 г. директору Института философии РАН академику РАН Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову исполнилось 70 лет. С именем этого выдающегося ученого, философа, чьи труды оказывают значительное влияние на развитие философской мысли в нашей стране, справедливо связывается новый этап в философском осмыслении классических и возникающих в наше беспокойное время проблем этики. А. А. Гусейнова знают не только как ученого-исследователя, академика Российской академии наук, но и как крупного организатора науки. Он стал инициатором многих общественно значимых проектов. Вице-президент Российского философского общества, член редколлегий журналов «Вопросы философии», «Философские науки», заместитель председателя научно-редакционного совета «Новой философской энциклопедии» в 4 томах, редактор многих коллективных трудов — за всем этим многообразием деятельности директора легендарного Института философии большой труд и глубокое понимание роли гуманитарного знания в современной жизни.

Для Московского гуманитарного университета особенно почетно то, что Абдусалам Абдулкеримович с первого номера научного журнала «Знание. Понимание. Умение» воз-

главил его редакционный совет. В 2008 г. Русский интеллектуальный клуб принял академика Гусейнова в число своих членов.

Редакционная коллегия нашего журнала поздравляет Абдусалама Абдулкеримовича с юбилеем и желает ему доброго здоровья, долголетия, творческих озарений и успеха в труде на благо российской науки.

Публикуем интервью с академиком А. А. Гусейновым, которое взяла для журнала «Зиновьев» директор Научно-исследовательского центра имени А. А. Зиновьева Московского гуманитарного университета О. М. Зиновьева.

Общество потребления, философия консюмеризма создали «Другого человека» — потребителя. Насколько это жизненная разновидность *homo sapiens*?

Общество потребления, человек-потребитель — разговор об этом надо вести предельно честно. Я не замечал, чтобы люди, критикующие потребительские идеи, сами были склонны к аскетизму или даже к простой сдержанности в том, что касается жизненных благ. Однажды я оказался в Будапеште с одним из своих коллег, который называл себя русским почвенником и считал западный образ жизни разрушительным для морали. Мы с ним прогуливались по чистому,

уютному, живописному пригороду с аккуратными рядами коттеджей, который мог бы считаться воплощением буржуазности, мещанства, индивидуализма — всего того, что возмущало моего коллегу как мыслителя. Посмотрев на все это «безобразие», он произнес: «Пожалуй, я бы тоже хотел так жить». Представители других — западных — культур критикуют западный образ жизни за бездуховность, воинственный «материализм». Но разве сами они — и отдельно в качестве индивидов, и совокупно в качестве стран — не стремятся к западным стандартам потребления?!

Когда мы говорим о потребительстве, мы рассматриваем его на выходе в виде супермаркетов, культивирования чувственных наслаждений, безудержного умножения потребностей. Но мы забываем о мировоззренческих, социально-политических, экономических, этических основаниях потребительской цивилизации, таких как научно-технический прогресс, демократический строй, рыночная экономика, ценность жизненного успеха. Одно с другим связано неразрывно. Ведь это очевидная вещь: потребление связано с производством, является его следствием и предпосылкой. Значит: оно связано с трудом, творчеством, деятельным отношением к жизни.

Мою мысль нельзя понимать так, будто я призываю отличать здоровое (разумное) потребление от его бессмысленных, вырожденных форм. Так называемые бессмысленные формы потребления в виде сотен разнообразных видов одного и того же товара, неисчислимого количества «ненужных» вещей и т. п. в каком-то смысле более показательны и адекватны для понимания того, что человек-потребитель и есть *homo sapiens* наших дней. Надо ясно понять и мужественно принять следующее: то, что мы неопределенно называем потребительством и что вызывает наше вполне законное возмущение, является вполне нормальным (естественным, закономерным) результатом развития новейшей европейской цивилизации с ее общей ориентацией на земной рай, на деятельно-кон-

структивистское отношение к жизни, на гражданское равенство, на индивидуально-ответственное поведение — на экономическое общество как конкретную форму реализации этих ценностей. В свое время Вольтер, возражая Руссо, с его призывами вернуться к доцивилизационной простоте нравов, остроумно заметил, что в этом случае ему надо быть готовым жить на деревьях и питаться желудями. По аналогии можно сегодняшних критиков потребления спросить, готовы ли они обходиться без электричества и ездить в повозках?

Свое отношение к потребительству я мог бы суммировать в двух замечаниях.

1) Продуктивная критика потребительства возможна на его собственной основе, изнутри самого потребительства. Она не может вестись с позиций антипотребительства, дискредитации современных ее форм как неразумных, и тем более не может вестись с позиций возврата к прошлому, к новому средневековью. Такая критика реалистична и открывает восходящую нравственную перспективу только в том случае, если она ведется с точки зрения постпотребительства. Хочу в этой связи обратить внимание на зинovieвскую критику, я бы сказал: изничтожающую критику западнизма как специфического образа жизни. Он был радикальным критиком современного строя западной жизни. Но он при этом ни в коем случае не связывал свои надежды с восточными цивилизациями, евразийством или иными внезападными источниками. Если существуют перспективы выхода из западни западнизма, то он, как считал Зиновьев, будет найден внутри самого Запада. Словом, очень хорошо, что общество достигло современного уровня потребления и постоянно умножает свои возможности в данном отношении. Плохо, что оно склонно довольствоваться этим.

2) Оставляя в стороне вопрос о том, достигла ли новейшая европейская цивилизация стадии, требующей новых форм социально-экономического развития общества, можно сказать, что уровня, позволяющего культивировать новую постпотребительскую мо-

раль, она, несомненно, достигла. Ведь моральная позиция — это всегда личностный выбор, тот жизненный смысл, который индивид задает своему существованию. Она сама по себе мало зависит от внешних условий. Мораль есть способность человека сохранять свое достоинство при любых условиях, в которых он оказался, в том числе и даже и, прежде всего, вопреки им. Но тем не менее вряд ли будет ошибкой предположить, что человеку легче сохранить нравственную цельность, стать хозяином своей судьбы в условиях и на базе относительно гарантированного материального обеспечения, чем тогда, когда ему надо бороться за элементарные жизненные средства.

Уважаемый Абдусалам Абдулкеримович, Вы не смогли бы сформулировать основные принципы этической платформы для России.

Я думаю, как могло возникнуть такое предложение? Принять его всерьез — значит признать за собой компетенцию и право выступать от имени России и от имени этики, морали. У меня нет ни того, ни другого. И не думаю, что кто-либо вообще обладает такой компетенцией и таким правом. И, слава Богу, что не обладает. Это позволяет в какой-то мере быть спокойным за судьбу России и ее морали.

Думать о России. Когда группа высших руководителей Советского Союза образовали ГКЧП, она думала, что так будет лучше для России. Когда Ельцин и его окружение пошли на беловежский стовор, они тоже думали, что так будет лучше для России. Может быть, было бы лучше, чтобы ни те, ни другие не думали, что они думают о России. Возможно, это помогло бы им более трезво оценить реальный смысл своих действий? Скинхеды с их лозунгами «Россия для русских» и кровавыми ксенофобскими действиями уверены, что они являются воинами России. Благом России озабочены и откровенно прозападные силы. Да и кто только этим не озабочен? Кто действительно любит, тот в любви не клянется. Не клянемся же мы в любви к матери!

Выступать от имени морали еще более нелепо, чем полагать, будто ты мыслишь за Россию. Человек может обладать знаниями и навыками в той или иной области и быть в ней авторитетом, скажем, профессором математики, слесарем шестого разряда, детским хирургом и т. д. А как можно быть авторитетом в области морали? Что вообще это значит? По-видимому, такой человек должен быть моральным, выделяться среди других именно по моральным качествам. Однако одна из несомненных характеристик действительно морального человека состоит в том, что он не считает себя таковым, что он глубоко недоволен собой и никогда не будет брать на себя роль морального учителя, который расставляет оценки окружающим. Хочу здесь опять сослаться на А. А. Зиновьева, и не только потому, что я отвечаю на вопросы журнала его имени. Он создал свое нравственное учение, которое называл учением о житии, или зиновьёгой. Но он не придавал ему всеобщего значения. Более того, он настойчиво подчеркивал, что это учение было предназначено только для него лично. Он его не то что никому не навязывал, он предостерегал всех от того, чтобы следовать этому учению. Этим он хотел сказать, что каждый человек сам задает нравственную программу своей жизни и несет ответственность за ее нравственную состоятельность.

Словом, я бы сказал так. Бойтесь данайцев, дары приносящих. Бойтесь людей, которые думают за Россию. И бойтесь людей, которые выступают от имени морали.

Я не могу принять Вашего предложения сформулировать «основные принципы этической платформы для России». Помимо высказанных выше общенаучных соображений, я не могу сделать этого еще по той причине, что сегодня на печатных просторах России существует немало таких платформ. И цена им та, что никто их всерьез не принимает. Так что невозможность и ненужность таких платформ имеет и опытные доказательства. Самое большое, что я могу сделать, — высказать некое общее соображение о сегодняшнем состоянии общественных нравов

в нашей стране, вернее даже: о наиболее слабом их пункте.

Обычно критическая оценка российских нравов связывается с понятиями воровства, коррупции. Конечно, и то, и другое имеет место, сохраняясь в качестве некой устойчивой доминанты общественного поведения, несмотря на смену социальных систем и эпох. Но все-таки, с моей точки зрения, мы сегодня более всего страдаем и теряем от другого — от отсутствия или, выражаясь мягче: от опасного ослабления чувства собственного достоинства.

Нам не достает сознания и чувства достоинства. Это сказывается во многом. В том, например, что мы мечемся между Европой и Азией, пытаясь обрести адекватное самосознание. Одни говорят: Мы — Европа. Другие: нет, не Европа. Третьи: Евразия. Мы все хотим куда-то прислониться. Как будто нам мало того, что мы — Россия. Мы, например, слышали апелляции к шведскому социализму и желание, чтобы у каждого нас было как в Швеции. Хочется спросить: а проигранную шведами битву под в отдельности Полтавой, а их протестантскую веру, их сравнительно небольшую численность — и чувства все это мы тоже хотим?

В том, что мы делим иностранцев на настоящих — тех, которые из западных стран, и ненастоящих — тех, кто из других стран, особенно азиатских и африканских. Перед первыми мы все вместе раболепствуем. По отношению ко вторым — надменны. В том, что мы каждый раз перекраиваем наше прошлое, приспособлявая его к господствующей политической конъюнктуре, и особенно охотно попираем те периоды, когда страна достигала наибольшего взлета. В советские годы особенно третируют Россию посленаполеоновского периода, когда она занимала ключевое место среди европейских держав. Ее называли «жандармом Европы». Сейчас всячески очерняется советское прошлое, словно мы стыдимся и изви-

няемся за то, что страна в эти годы стала супердержавой, во многом определявшей судьбы мира.

Я привел только самые броские случаи, которые говорят о дефиците сознания и чувства достоинства. Их можно умножить. Ведь по сути дела воровство и коррупция — из той же области. Они возникают только на почве социальной психологии, в которой холуйство, униженность на одной стороне дополняются произволом и чванством на другой. Я бы сказал так: в самой структуре наших общественных нравов слабо акцентированы уважение к личности, чувству ее достоинства. Возьмите такой пример. Принято (мне бы хотелось сказать: пока еще не отменено) решение о том, чтобы передать здание Института философии РАН Пушкинскому музею. Я не касаюсь сейчас того, насколько оправданно такое решение. Хочу обратить внимание на другое. Когда оно готовилось, никто не поинтересовался мнением Института философии, не поставили даже в известность. Никому не пришло в голову поговорить с сотрудниками Института, убедить их. Это не пришло в голову начальству. И не пришло в голову руководству ГМИИ им. А. С. Пушкина, которое отнимает здание у соседствующего научного учреждения и вполне хорошо себя чувствует. Вряд ли будет большой натяжкой сказать, что те, кто принимал это решение, действовали по сути дела так же, как в свое время помещики, когда они продавали или проигрывали в карты крепостные деревни.

Да-да, нам не достает чувства достоинства — чувства личного достоинства каждому в отдельности и чувства национального достоинства всем вместе. И это не просто дефект воспитания, запущенности просветительской работы и т. п. На самом деле речь идет о более глубоких процессах, уходящих корнями в превратности нашей запоздалой истории и требующих более суровой и напряженной работы над нашим будущим.